УДК 323.1

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ЭТНОСА И НАЦИИ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Трусов Михаил Александрович,
Уральский федеральный университет,
аспирант кафедры теории и
истории политической науки,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: glacial.abyss@gmail.com

Аннотация
Статья ставит своей целью исследование применения различных концепций, стоящих за категориями «этнос» и «нация», в официальных документах и риторике, влияющих на ход развития национальной политики Российской Федерации.

Ключевые понятия:
этнос,
нация,
национальная политика.

Особым значением в рамках категориального аппарата политической науки обладают концепции этноса и нации, содержание которых трактуется специалистами по-разному, а также значительно изменилось в ходе развития политической, этнографической, социологической наук и истории XIX–XX веков. Изучение этих понятий затруднено широким разнообразием конечных сфер их применения: этнография, политология, социология, воплощаемые на практике государственные концепции, нормативные акты и повседневный язык – все они в той или иной степени оперируют этими терминами, порой вкладывая в них абсолютно разное значение, более релевантное в конкретном случае.

Основными магистральными подходами можно считать эволюционизм и конструктивизм: рассмотрение этноса и нации, соответственно, как объективно предопределённых и не изменяющихся в ходе исторического процесса общностей, связанных по тому или иному признаку, или как конструкции, создаваемой людьми для самоотождествления и точки приложения своей воли в политической сфере. Однако существуют и иные разделения: общий язык много лет не могут найти сторонники концепций этнонации и гражданской нации, открытой для включения в себя групп представителей иных этносов. Отчасти именно терминологическая и концептуальная путаница подогревает напряженную национальную обстановку и служит одним из косвенных факторов, способствующих эскалации конфликтов на соответствующей почве.

Основная задача данной работы заключается в изучении различных значений, придаваемых этим терминам, и стоящих за ними более развернутых концепций, а также соотнесение их с закрепленной в документах государственной национальной политикой и риторикой соответствующего ряда представителей отечественной политической сферы.

Эволюционизм, будучи исторически более ранней идеей, в значительной степени опирается на труды этнографов и исследователей культур примитивных народов. Так, отправной точкой эволюционизма можно считать примордиализм – этнос, согласно этой теории, выступает изначальным и неизменным объединением людей с неизменными признаками. В русской научной литературе одним из отцов-основателей данной школы можно считать Сергея Михайловича Широкогорова – автора работы «Этнос. Исследование основных принципов изме-

нения этнических и этнографических явлений». Там он определяет понятие этноса как «группы людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [10, с. 6]. Прочим материалом для исследования понятия этноса в представлении эволюционистской и примордиалистской школы являются, в основном, работы именно этнографического и культурологического толка: среди них можно выделить такие произведения, как «Золотая ветвь» Джеймса Джорджа Фрезера, «Первобытная культура» Эдварда Тайлора, «Древнее общество» Льюиса Моргана и «Основания социологии» Герберта Спенсера. Именно сформировавшееся в работах учёных этой школы понятие этноса стали развивать исследователи, более непосредственно занимающиеся развитием политической науки.

Отметим, что в массовом сознании жителей и политиков России понятия этноса и нации трактуются, как правило, вполне в духе школы примордиализма, что отмечает академик Валерий Тишков. «Глубоко примордиалистское понимание этой субстанции на протяжении десятилетий (фактически начиная с переписи 1926 г.) привело к глубокой вере, что население страны состоит из отдельных народов (этносов) и этнографических групп (субэтносов), которые и составляют реестр национальностей» [5].

Этничность, постигаемая через призму социального поведения и набора установок, усвоенных в процессе передачи культурного наследия, выступает как механизм дискриминации (в широком смысле): позволяет самоорганизовываться в группы и выступает своего рода защитным механизмом. При этом разумно предположить, что принадлежность к той или иной этнической культуре, подобно принадлежности к этносу, свойственна всем без исключения индивидам и, следовательно, является вполне универсальным критерием. «Большинство социологов считает, что "набор и связки" культурных стандартов обладают определенным постоянством» [11, с. 163].

Существует, однако, мнение о неустойчивости, текучести, многоуровневости и двусмысленности этнической характеристики, что делает ее применение значительно более проблематичным. Это мнение разделяет академик Валерий Тишков и в какой-то степени – официальные круги, определяющие развитие национальной политики в России. «Этническая самоидентификация столь подвижна и достаточно легко конструируется, что даже если одна перепись зафиксирует "полную картину этносов", то следующая перепись даст наверняка другой больший или меньший список, и обязательно отличный от предыдущего» [5]. В таком случае остается еще меньше места для примордиальной детерминированности, а управлению и изменению (при последовательном и разумном подходе) поддаются абсолютно все характеристики.

Согласно труду Лии Гринфельд «Национализм», нация может представлять из себя либо сумму всех ее членов, понимаемую как сумма свобод, либо как унитарное тело, своего рода организм. Таким образом, вновь проявляется внутренняя дихотомия этого термина, чуть иначе объясняемая, но равно уверенно заявленная также, например, Хансом Коном. Нация первого типа служит выразителем совокупности коллективных свобод входящих в нее людей и не функционирует в отрыве от их волеизъявления, что естественным образом связано с определенным уровнем развития демократических институтов и достаточной степенью проникновения демократических традиций в политическую культуру нации. Другим типом выступает нация как самоцель и самостоятельный (в некотором смысле – единственный) субъект политического процесса, обладающий собственной волей, целями и средствами их достижения. В таком случае население относительно отстранено от принятия политических решений, которыми занимается относительно узкая прослойка правящей элиты. «В первом случае национальность, в принципе, является открытой и добровольной, ее можно, а иногда и нужно получить. Во втором случае считается, что национальность есть нечто врожденное, приобрести ее нельзя, если у человека ее нет, и нельзя изменить, если она имеется, к личной воле она не имеет никакого отношения и является как бы генетической характеристикой» [3, с. 15]. В нашем случае не так важно сравнение механизмов волеизъявления, как признание того, что под одним «зонтичным» термином могут пониматься совершенно различные на практике понятия, об определении которых неплохо было бы договариваться до начала любой релевантной публичной дискуссии.

Соответственно и критерии членства в первом случае могут быть как гражданскими, так и этническими. В первом случае национальность теснее отождествляется с гражданством: именно в рамках такой кон-

цепции могут существовать «гражданские нации», большим сторонником которых является, к примеру, академик Валерий Тишков. Во втором случае нация соответствует «объективной» этнической характеристике и представляет собой этнонацию.

Говоря о континентальной европейской традиции толкования феномена нации, крайне похожей на экстраполяцию концепции примордиализма, стоит также вспомнить Иоганна-Готлиба Фихте: «Соразмерное разуму государство не может быть построено искусственным образом из любого наличного материала, нация должна быть сначала образована и воспитана для него» [9, с. 160]. Именно против практического применения конструкции этнонации такого типа академик Валерий Тишков возражает особенно сильно.

Бенедикт Андерсон в своей работе «Воображаемые сообщества», считающейся важнейшим конструктивистским трудом, также рассматривает термин «нация» и пытается дать ему определение. Он говорит о парадоксе столкновения нации как относительно молодой исторической общности и существующего в голове националиста образа нации как древней мифологизированной сущности. Из этого вытекает его краткое и любопытное определение нации: «это воображённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [2, с. 30]. «Воображённость» нации связана с тем, что каждый член нации (равно как и член любого сообщества крупнее первобытной деревни) никогда не видел большинства других её членов. В то же время она является ограниченной (потому что ни одна нация не соразмеряет себя с человечеством) и суверенной (за счёт приблизительно единовременного утверждения в политической жизни Европы стремления к суверенности и образованию наций). Бенедикт Андерсон подытоживает своё определение используемых терминов, утверждая, что нация воображается как сообщество, «поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество». При этом Андерсон практически не говорит об этносе, этничности, а термин «национальность» трактует как «nation-ness», принадлежность к определённой нации. Несмотря на постоянно муссируемую государственными идеологиями идею многонациональной России как государства с тысячелетней историей и объективное сожительство (в тех или иных формах) регионов с различным этническим составом населения в рамках СССР и Российской империи, необходимо помнить, что как минимум Российская Федерация, столь же объективно являясь крайне молодым государством, требовала переосмысления национальной политики и переконфигурирования национальных отношений. При этом невозможно было обойтись без элемента конструктивизма: воображения нации, должной соединить в себе население оставшихся после распада СССР в составе РФ регионов.

Напомним, что в рамках действующей концепции национальной политики (закрепленной «Концепцией государственной национальной политики» от 1996 года и заменившей её недавней «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года») фактически предполагается создание прочной и единой гражданской нации россиян, обладающих при этом множественной идентичностью, непременно включающей в себя разноуровневые этнические компоненты, призванные подчеркнуть культурный, языковой и религиозный плюрализм, существующий внутри этой нации. В рамках описанной выше гражданской нации гражданин может иметь иные идентичности нескольких уровней, самостоятельно решая, какой из них отдавать приоритет. «Эти идентичности многоуровневы и не взаимоисключают друг друга, они могут носить местно-общинный характер (карамахинец), локально-этнический (тоджинец, андиец), национально-этнический (аварец, даргинец), регионально-культурный (дагестанец, татарстанец, якутянин), культурно-гражданский (россиянин)» [4, с. 15]. Основными типами идентичности в рамках этой идеологической концепции можно считать два: «по культуре и по гражданско-политическому сообществу».

При этом не предполагается наделение представителей этих этносов какой бы то ни было политической субъектностью на региональном уровне: этносы не переходят в нации, и общая гражданская нация состоит именно из политически «недееспособных» этносов.

Считаем возможным полагать, что такой подход может вызвать некоторые трудности. Термин и конструкция «этнос» применяются здесь в достаточно узком этнографическом ключе (с поправкой на потенциальную многоуровневость этнической самоидентификации), в первую очередь сообщая о единстве происхождения некой социаль-

ной группы, единстве ее культуры и языка. Исторически этнография преимущественно рассматривала «примитивные» этносы в рамках изучения первобытной культуры и основ человеческого общежития – отсюда отсутствие наделения понятия этноса каким бы то ни было политическим содержанием, практически никак не представленным в повседневной жизни «примитивных» этносов, не имеющих своего государства и живущих родоплеменным укладом.

Гражданская нация – конструктивистская по природе своей, а также подчеркнуто и вынужденно конструктивистская в условиях полного отторжения концепции этнонации при действующей концепции «многонациональной» и мультикультурной России. Доктрина Тишкова отдельно ставит своей целью открытое противостояние феномену этнонационализма, во многом продиктованное характером и составом государства. «Этнонационализм в его изоляционистской, или сепаратистской, формах является одним из главных вызовов для государств со сложным составом населения» [6]. Результирующая гражданская нация представляется понятием и конструкцией весьма современным и прогрессивным, опирающимся на достаточно актуальные концепции. В этой схеме отсутствует потенциально возможное среднее звено, соединяющие эти два уровня: обладающие политической субъектностью этнонации, являющиеся естественным продолжением конструкции этносов в политическом поле. В Российской Федерации даже население официально признанных республик, обладающих собственной Конституцией и более широкими законодательными полномочиями, порой ощущает собственное положение как квазинациональное, что особенно заметно при сравнении с некоторыми другими государствами, где подобные проблемы были решены по-другому и с применением иных практических концепций, обоснованных использованием иной теоретической базы. Так, существует совместное заявление Всемирного курултая башкир и Всемирного конгресса татар, выражающее неприятие Концепции государственной национальной политики 1996 года из-за её предполагаемой нацеленности на создание «общегражданской российской нации» [1] и нивелирование национально-культурных особенностей входящих в неё народов. Официальная позиция по этому вопросу, впрочем, достаточно понятна и призвана их успокоить: «Никто и никогда не заставит осетин, татар, якутов превращаться в россиян, ибо они и есть россияне, российская нация, но которые по своей этнической принадлежности остаются теми, кем себя считают» [7]. Таким образом, отдельным этносам, населяющим различные республики, отказывается в национальной самостоятельности при полном сохранении их этнокультурного и лингвистического богатства.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, должный служить функции территориального (а следовательно, некоторым косвенным образом, и национального или этнического представительства), не может выполнять подобную функцию на практике. Во-первых, этому препятствует фактическая неизбираемость сенаторов и отсутствие прямой связи между ними и населением представляемого ими региона. Во-вторых, спектр возможностей законодательной инициативы членов Совета Федерации крайне узок и в основном сводится к утверждению законопроектов, прошедших нижнюю палату Федерального Собрания Российской Федерации. Все это сочетается с требованиями к сенаторам, в которые входит «безупречная репутация» и «5 лет оседлости» [8] – сенатор в идеологическом плане действительно является почетным представителем своего региона (и опосредованно – этноса или нации), но при этом служит скорее дополнительным независимым, опытным и уравновешенным ревизором принимаемых законопроектов и должен соотносить их с интересами населения своего региона, но не имеет больших законотворческих полномочий сам по себе.

Примерами других вариантов решения обозначенной проблемы могут служить США и Бельгия, внутренние национальные отношения которых в целом сводятся к двум полярным концепциям. В случае США мы видим существенно более сплоченную и гомогенную гражданскую нацию, составленную из носителей различных этнических, лингвистических и религиозных параметров, которые, не теряя свою расовую и этническую самоидентификацию (что в рамках официальной риторики и статистики выражается делением американской нации на различные этнические группы (от английского ethnic groups), кроме того, считается допустимым учитывать этническое происхождение ее представителей), с принятием американского гражданства приобретают однозначную национальную и гражданскую самоидентификацию, оставляя все возможные связи с иными государствами. Отчасти этому способствует исторически сложившийся образ американской нации как нации мигрантов, высокоинклюзивного «плавильного котла», что поддерживалось

и поддерживается как политическими мерами, так и массовой культурой.

В случае Бельгии мы можем выделить общебельгийскую гражданскую нацию, состоящую, однако, только из обладающих собственными национальными политическими аппаратами фламандцев и валлонов. Как во Фландрии, так и в Валлонии (как и в республиках Российской Федерации) существуют собственные правительства и парламенты, что придает этнически однородным населениям этих регионов многие политические рычаги, свойственные таким политическим субъектам как нациям. Помимо этого, однако, состав федерального парламента, формируемого по пропорциональному принципу, полностью зависит от конфигурации партийного аппарата страны и электоральных предпочтений жителей тех или иных регионов. Изучение этих сфер позволяет легко отметить крайне диверсифицированную электоральную картину: жители Фландрии фактически голосуют за один набор партий (в который входят преимущественно правые либеральные партии), а жители Валлонии – за другой (в основном левые социал-демократические партии), несмотря на доступность голосования за любую партию и отсутствие документального закрепления территориальной привязки партий, приведшего бы к ограничению электорального права гражданина. На практике программы, к примеру всех основных фламандских партий (в особенности правого политического спектра: *Nieuw-Vlaamse Alliantie, Vlaams Belang, Christen-Democratisch en Vlaams),* ориентированы в первую очередь именно на решение внутренних проблем Фландрии и обеспечение интересов фламандской нации, и обычно касаются более широких проблем федерального уровня лишь постольку, поскольку эти отношения способны навредить прямым интересам Фландрии и ее нации (в первую очередь в экономическом плане). При этом фактически существует некоторая электоральная сегрегация Фландрии и Валлонии, а парламент, избранный при таком устройстве избирательной системы, служит интересам национального представительства фламандского и валлонского народов.

Таким образом, можно выделить основные концепции, наиболее важные для национальной политики Российской Федерации. Одной из главных является понятие «этноса», воспринимаемого здесь в качестве многоуровневой этнокультурной самоидентификации, на одном из уровней также представляющего собой набор территориально распределенных «кирпичиков», составляющих общее здание нации Российской Федерации. При этом для понимания происходящих процессов крайне важно, что «нация» в концепциях и риторике государственного уровня трактуется только как инклюзивная гражданская общность, совокупность свобод – несмотря на немалое число сторонников этнонационального подхода.

В рамках дихотомии примордиального и конструктивистского подхода к нации риторика, как правило, указывающая на объективную обусловленность текущей конфигурации российской нации и её давние исторические корни, не должна отталкивать нас от использования конструктивистского подхода при изучении Российской Федерации, к которому вполне ясно подводит общая молодость современного государственного организма и недостаточная отрефлексированность государственной национальной политики.

1. Азанбаев, Р.Т. Сохранить конституционные основы этнокультурного многообразия народов Российской Федерации! [Электронный ресурс] / Р.Т. Азанбаев, Р.З. Закиров. URL: http://mariuver.wordpress.com/2009/08/04/tatary-bashkiry/ (дата обращения: 20.01.2014).

2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма [Текст] / Б. Андерсон. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.

3. Гринфельд, Л. Национализм: пять путей к современности [Текст] / Л. Гринфельд. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.

4. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 3 декабря 2012 г. № 229-ФЗ: принят Государственной Думой 20 ноября 2012 года: одобрен Советом Федерации 28 ноября 2012 года // Российская газета. 2012. 7 декабря. № 5956.

5. Покасова, Е.В. Адаптация в поликультурном окружении: маргинальность или бикультурность? [Текст] / Е.В. Покасова // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2004. Вып. 6. С. 163–166.

6. Тишков, В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. [Текст] / В.А. Тишков. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. 232 с.

7. Тишков, В.А. Перепись населения и конструирование идентичности [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/perepisi_n.html?forprint=1 (дата обращения: 20.01.2014).

8. Тишков, В.А. Россия это нация наций. В поисках формулы [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publikacii/rossiya__e1.html (дата обращения: 20.01.2014).

9. Тишков, В.А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. URL: http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1273.doc (дата обращения: 20.01.2014).

10. Фихте, И.Г. Речи к немецкой нации [Текст] /

И.Г. Фихте. М.: «Наука», 1992. 350 с.
11. Широкогоров, С.М. Избранные работы и материалы [Текст] / С.М. Широкогоров. Книга 1. Владивосток, Издательство Дальневосточного университета, 2001. 191 с.

References

1. Azanbaev R.T., Zakirov R.Z. *Sohranit' konstitucionnye osnovy jetnokul'turnogo mnogoobrazija narodov Rossijskoj Federacii!* [To preserve constitutional basis of ethnocultural diversity of peoples of the Russian Federation!], available at: http://mariuver.wordpress.com/2009/08/04/tatary-bashkiry/ (accessed 20 January 2014) (in Russian).
2. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma* [Imaginary communities. Reflections upon sources and spread of nationalism]. Moscow, «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2001, 288 p. (in Russian).
3. Grinfel'd L. *Nacionalizm: pjat' putej k sovremennosti* [Nationalism: five ways to modern times]. Moscow, PER SJe, 2012, 528 p. (in Russian).
4. O porjadke formirovanija Soveta Federacii Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 3 dekabrja 2012 g. № 229-FZ: prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 20 nojabrja 2012 goda: odobren Sovetom Federacii 28 nojabrja 2012 goda. Rossijskaja gazeta, 2012, 7 December, no. 5956 (in Russian).
5. Pokasova E.V. Adaptacija v polikul'turnom okruzhenii: marginal'nost' ili bikul'turnost'? [Adaptation in a polycultural surroundings: marginality or biculturalism?]. *Jetnosocial'nye processy v Sibiri: Tematicheskij sbornik* (Ethnosocial processes in Siberia: subject collection). Novosibirsk, Nonparel', 2004, Edition 6, pp. 163–166 (in Russian).
6. Tishkov V.A. *Edinstvo v mnogoobrazii: publikacii iz zhurnala «Jetnopanorama» 1999–2011 gg.* [Unity ib diversity: articles from the journal "Ethnopanorama" 1999–2011]. Orenburg, Izdatel'skij centr OGAU, 2011, 232 p. (in Russian).
7. Tishkov V.A. *Perepis' naselenija i konstruirovanie identichnosti* [Population census and construction of identity], available at: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/perepisi_n.html?forprint=1 (accessed 20 January 2014) (in Russian).
8. Tishkov V.A. *Rossija jeto nacija nacij. V poiskah formuly* [Russia is a nation of nations. In search of a formula], available at: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publikacii/rossiya__e1.html (accessed 20 January 2014) (in Russian).
9. Tishkov V.A. *Jetnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie – osnova stabil'nosti i razvitija rossijskogo obshhestva* [Ethnic and religious diversity is a basis for stability and development of Russian society], available at: http://valerytishkov.ru/engine/documents/document1273.doc (accessed 20 January 2014) (in Russian).
10. Fihte I.G. *Rechi k nemeckoj nacii* [Addresses to the German Nation]. Moscow, «Nauka», 1992, 350 p. (in Russian).
11. Shirokogorov S.M. *Izbrannye raboty i materialy* [Selected works and materials]. Book 1. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2001, 191 p. (in Russian).

UDC 323.1

ON THE PECULIARITIES OF USING THEORETICAL CONCEPTIONS OF ETHNOS AND NATION IN RUSSIAN NATIONAL POLICY

Trusov Mikhail Aleksandrovich,
Ural Federal University, Post-graduate Student of the Chair of Theory and History of Political Science,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: glacial.abyss@gmail.com

Annotation
The aim of the article is to study different conceptions which stand for the categories "ethnos" and "nation" in official documents and rhetoric influencing the development of national policy of the Russian Federation.

Key concepts:
Ethnos,
nation,
national policy.